

НЕОЖИДАННЫЙ ГОСТЬ

Сквозь сон Лева услышал звонок. В похмельной голове этот звук завис как бы отдельным образом, нарушая хаотические узоры сна. Звонок блямкал, блямкал, бренькал на разные голоса, настойчиво и противно, и с каждым разом словно бы все громче и громче.

Кто бы это мог быть? Пал Иваныч? Но старик обычно никогда не приходит так рано. К тому же сегодня он никак не мог получить пенсию — нынче воскресенье.

Лева с трудом встал, одернул мятый костюм, в котором спал на диване и пошел открывать. За дверью стоял невысокий мужичок с черной блестящей бородой. Он весело и дружески улыбался, словно давний знакомец. Зубы у него были ярко-белые, кепка круглая. На плечах что-то вроде кофты, на ногах мягкие сапоги с заправленными в них шароварами. Глаза яркие, цыганистые, с искрой во взгляде. Впрочем, Лева немного знал этого мужичка — он ежедневно сидел в уголке на местном рынке и торговал самодельными ковриками, нарисованными на обратной стороне кухонных клеенок: лебеди, плывущие по гладкой поверхности озера, русалки, выглядывающие из зарослей осоки... У него можно было купить зажигалку, штопор, календарик и другую мелочь.

— Чего тебе? — спросил Лева, не узнавая своего хриплого голоса.

— Компьютер нужен? — хриповато выговорил мужичок, прокашлялся, не переставая улыбаться. И встряхнул мешок, перекинутый через плечо.

Лева тупо смотрел на торговца, машинально почесывая пятерней взлохмаченные волосы. Он-то надеялся, что пришел кто-то из друзей с предложением опохмелиться.

— Какой еще компьютер? На хрена он мне сдался...

Но чернявый мужичок лишь подмигнул: знаем, дескать, зачем!.. Он уже вошел в дом, топая по доскам крашеного пола своими сапогами с подковками на каблуках. Лева хотел остановить его, но торговец вмиг очутился во второй большой комнате. Вот он уже выкладывает детали прибора на стол, заваленный пожелтевшими газетами и неоконченными рукописями.

— Забирай свой компьютер и проваливай по-хорошему! — рявкнул Лева, но цыган, обернувшись, погрозил ему пальцем, не переставая загадочно улыбаться.

Голова болела по-страшному — перед отъездом Анечка огрела его на прощанье сковородкой. У нее привычка такая, можно сказать — рефлекс. Увидит мужа выпившего, и сразу за сковородку хватается.

— Я все понимаю... — воскликнул чернявый, доставая из-за пазухи бутылку, заткнутую аккуратной зеленой пробкой.

У Левы внутри так и екнуло. Он хмыкнул застенчиво в кулак. Стакан хорошей самогонки — предел утренних мечтаний. Полез в настенный шкафчик, достал треснутую чашку — его персональная посуда. Взял бутылку, внимательно посмотрел на нее, вынул пробку, понюхал — вроде бы ничего...

— Не бойся, хорошая! — приободрил его мужичок. — Я сам такую пил.

Лева пригубил чашку — будь что будет! И выпил. Горло вмиг обожгло, по телу разлилась приятная теплота, сердце заработало ровнее. Хорошая самогонка!

— Это не самогонка, а... — мужичок, собиравший детали компьютера в одно целое, не стал дальше говорить. — Вещь хорошая, от нее голова болеть не будет. И вообще — лечебная жидкость для творческих людей.

Лева закусил сухариком, невесть откуда взявшимся на книжной полке. Глубоко вздохнул и сказал мужичку, что деньги за водку вернет позднее. А компьютер, извините, не нужен. Пишущую машинку он, пожалуй, взял бы напрокат, потому что его собственную, старую, Анечка в порыве гнева разбила о стену.

— Как же тебе не нужен компьютер, если ты вчера на весь базар шумел о том, что тебе именно нужен компьютер! И старик был с тобой, длинный такой — кажется, его Пал Иванычем зовут.

— Мало ли чего я говорил спьяну... — пробурчал Лева. От выпитого он размлел, спорить ни с кем не хотелось. Все пока шло нормально. — Так уж получилось, что сегодня у меня даже на пиво нет денег.

Блоки компьютера вовсе не были похожи на технические изделия и напоминали скорее обугленные кирпичи. Незнакомец уверенно возился с ними, соединял какими-то крючками, обматывал лохматыми веревочками.

— Это не компьютер, а какая-то... — Лева выругался. — Что я компьютеров, что ли, не видел? Где монитор? Где клавиатура?

— Я сам купил его с рук, но ни разу не пользовался. Но вещь, говорят, хорошая. Сейчас прикручу здесь, и вот тут... Штуковина сама заработает!

Лева нахмурился — в голову лезли мысли о взрывах и терактах, тротильных пашках и прочих эквивалентах.

— Ничего плохого не будет, — успокоил его продавец, словно бы читающий мысли на расстоянии. — Здесь машина, о которой ты мечтал — она помогает провинциальному писателю создавать самые немислимые образы. Обычное человеческое воображение здесь не годится.

Лева снова глубоко вздохнул — писатель он не только глубоко провинциальный, но и вполне неудачливый. Вчера в порыве пьяной тоски уничтожил свой последний приключенческий роман, на который возлагал столько надежд и который вдруг сразу ему разонравился. Образы меркнут, теряют подвижность, становятся черно-белыми. Он потрогал раннюю лысину на макушке — была когда-то размером с юбилейный рубль, а теперь увеличилась до размера циферблата будильника.

— Вот эта штукавина заместо экрана будет... — Продавец с улыбкой показал ему кольцо, напоминающее золотую корону. — Наденешь на голову, и порядок! Все само собой зарабатывает.

Лева вернулся на кухню и выпил еще одну чашку водки. Он стремительно пьянел. «Без экрана — сразу в мозг идет информация!» — сообразил он. Дают грудку обгорелых камней, связанных разлохмаченным шпагатом, и уверяют, что это компьютер. За кого они его принимают? Лева не сомневался, что за спиной рыночного торговца стоит какая-то таинственная организация. Ведь сейчас в каждой захолустной деревне свои партии, ячейки, политические блоки...

Вторая порция водки была лишней — Леву неудержимо клонило ко сну. Добрел до дивана, рухнул на него всем телом. Скрипнули старые пружины, все погрузилось во тьму и тишину.

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ШТУКОВИНА

Проснулся спустя какое-то время, чувствуя себя вполне бодрым и свежим. День за окном был в разгаре. Надо бы сходить к Пал Иванычу, узнать насчет пенсии — может, пивом старик угостит?..

Увидев на столе «компьютер», презрительно хмыкнул. Вспомнил утреннего посетителя. На кухонном столе, рядом с недопитой бутылкой водки — записка. Лева машинально налил половину чашки, взял записку — сдвоенный листок из школьной тетрадки был заполнен ровными четкими буквами, словно писала машина:

«ИНСТРУКЦИЯ ДЛЯ ЕТАВА КОМПАРТЕРА:

- ничаво уключать не надыть;*
- никаких специальных кнопок не имеетца;*
- штоб заработал, надо так изделать: берешь колечкю, надеваешь ее на голову, толька штоб без шапки. С шапкой не подействуя;*
- усе апосля само собой у голове ишалкнет и покажитца, оживет и завертитца;*
- а штоб выключить не надыть беспокоитца — колечкя сама от головы отишалкнетца в нужной момент и приподыметца, штоб у мозгах перекувырк не сделатца;*
- работая штукавина без всякова елистричества. У разетку утыкать не надыть;*
- усе показывая, как было в настоящей истории мира, и будет все в нынешний и будущише времена;*
- для людей воображательных штука вельма смысленая;*
- при работе на компартере винцо и самогонку выпивать можно, потому что компартер сам мозги прочишшая;*
- а ишшо...»...*

Леве надоело читать правила работы. Ему хотелось опробовать машину в действии. Если эта штука может показывать действительные, без прикрас, исторические события, то это может пригодиться для нового романа... Едва присел за

стол, а уж колечко тут как тут — само приподнялось в воздух и плавно приблизилось к голове — автоматика! Колечко плотно легло вокруг молодой пушистой лысины.

«Ощущение облака — своего и целого. Я возникаю! Рука Отца заботливо разминает грязь, из которой постепенно образовывается мое тело. Я высыхаю, твердею, плоть моя укрепляется. Я видел отца — облако до самого неба. Я — молодой, мне двадцать лет! Отец сразу меня таким сделал. Сотворил меня не как игрушку — я Ему был нужен. Я Его сын. Я жду Его слова...»

Ободок пощипывал кожу лба электрическими разрядами. Шум похмелья исчез. Таким молодым Лева давно себя не чувствовал.

ВИД ДРЕВА ЖИЗНИ

«Я видел, что Отец смотрит на меня довольным взглядом — я получился. В сердце моем возникла гордость. Отец нахмурился, будто разглядывал меня изнутри. Наружный взгляд Его сиял поверх солнца. Он гордился мной больше, чем солнцем и звездами. Отец подарил мне способность мыслить. С помощью мысли я опережал все мчащиеся в космосе предметы.

Он привел меня на светлую площадку, подвешенную на невидимых тросах к неосязаемой сердцевине тьмы. Впоследствии эта площадка будет поименована Раем. Вокруг не было привычных для всех понятий: длины, ширины, высоты. Время тоже стояло. Рай бесшумно парил над черными сгустками галактик. В центре его стояли два могучих дерева, вознесшихся ввысь с невероятным гулом напряжения. Корни их висели в пространстве, светились, как раскаленные, ветвясь, пропадая в смолистой космической пустоте. Одно из них — дерево жизни, второе — дерево знания. Я воспринимал энергию деревьев всей своей новой кожей, вмиг покрывшейся мурашками.

Дерево жизни сияло золотым светом, дерево знания имело серебристый оттенок. Создатель наблюдал за мной, но горечь тяжелого предчувствия омрачала Его полупрозрачный лик. Я словно бы видел его могучие, украшенные гроздьями звезд, глаза...»

Лева перевел дух. На столе маячила продолговатая бутылка — забавная. Лева прошел на кухню, налил себе из бутылки сто граммов приятной водочки. Грызнул сухарик... Вернулся в зал, сел на табурет, дал компьютеру мысленный приказ: «Включайся!» Золотой ободок вновь воспарил над поверхностью стола, засиял над головой, словно нимб.

«Грязевое тело мое влажно поблескивало в тени деревьев. Каждый лист при отпадении мог накрыть целые миры. Шипенье холодных осколков дикого льда наполняло черное небо. Вспыхивали, превращаясь в пар, остатки непобужденного до конца хаоса, который собирался родить новое мрачное чудовище. Но я был первым живым существом! Я стоял рядом с Отцом! Дымились молодые планеты, парили океаны — юная природа готовилась к вечности.

Дерево жизни было похоже на папоротник. Это растение до сих пор растет в тенистых уголках, напоминая людям, что когда-то был я, Адам... Прозрачный ствол дерева жизни был наполнен розовым соком. Позже, на Земле, я узнаю, что точно такой же цвет имеет моя кровь. В тени дерева жизни можно жить вечно, достаточно лишь вдыхать его аромат.

«Что это? Зачем?.. — от безбожных вопросов еще тяжелее зашло мое взволнованное сердце. — Если Бог показал мне древо жизни, то почему Он не позволил мне прикоснуться к нему?»

Лева снова сделал передышку. При чем здесь Адам? Он, Лев, литератор и журналист, пишет статьи и рассказы на сельские темы. Мир, действительно, переменялся. Нет ни райкома, ни соцсоревнования, нет дешевого пива. Что бы сказал Адам, очутись он сейчас, в начале XXI века, в глухой российской глубинке?

ЯВЛЕНИЕ ЗАКОНА

«В новом созданном мире я чувствовал невидимый Закон. Он и был душою Отца. Но смогу ли я жить здесь? Знание ужасно и невозможно. О вечной жизни не стоит беспокоиться — она и так дарована мне. Трепещущие ветви, безбрежность наук... Почему два дерева? Почему смысл мира не уместился на одном стволе?

Ало-красные ветви жизненного древа переплелись с желтыми, галактических размеров, ветвями древа знания. Вместо росы к листьям налипли сгустки неизвестных пока еще научных фактов. Я отражался в большом листе древа знания, как в зеркале, видя себя совершенно новым, двадцатилетним. И это странное, невозможное чувство, что я никогда не умру... Первая влага, которую я ощутил, была соленой. Слеза, скатившись по щеке, дала ощущение всей моей будущей жизни. Слезинка скрылась в глубинах космоса, пролетев меж корней древа жизни.

Я спросил у Него, буду ли я счастлив? Он задумался. Тогда я спросил Отца, будет ли Он всегда со мной? «Да!» — ответил Он».

Бутылка почти допита. Надо бы сходить к старику — он может взять в долг самогонки... От нечего делать поманил колечко пальцем, и оно вновь приподнялось над столом.

СЛАДКАЯ ТЯЖЕСТЬ

«Бог показал мне животных. У них не было гордости, но в каждом имелось затаенное достоинство. Я почувствовал, как Его рука совершенно безболезненно вынимает из моего правого бока ребро — белое, с синевой, в алой кровавой пленке. Капелька крови упала на светлый пух райской травы — в этом месте мгновенно вырос папоротник... Вместе с ребром отнялась частичка моей глубинной сущности. Алым пятном ребро прочертило воздух: Отец прикоснулся им к древу жизни. В тот же миг из горячего наэлектризованного воздуха появилась Ева. Взглянув на нее, я понял, что окружающий мир прекрасен, и всегда останется таким. Ева, улыбаясь, смотрела на меня.

На лице Отца промелькнула грусть. Он догадался, что я, глядя на Еву, на минуту забыл о Нем. Я зажмурился, чтобы не видеть женщину, ощущая горячую пустоту своего тела. Ева — плоть разделения между мной и Богом. И в то же время я почувствовал, что в нашей компании появился некто четвертый. Отец предупредил меня, что рядом враг, рожденный остатками хаоса. Откуда пришел, туда и возвратится. В завихрениях первобытных снежинок я увидел страшный, не передаваемый словами, облик таинственного существа.

Ева смотрела на меня, не понимая, чем я так испуган. Я заметил в уголках ее губ крохотные морщинки. Чужая тень метнулась меж деревьев — древо жизни оттолкнуло мерзкий призрак, зато древо знаний укрыло его ветвями. Любопытство черного существа отвечало интересам каждого листка.

Но где же Отец? Куда он делся? Почему я его не вижу?.. Ева приблизилась к древу знания, привлеченная странным, почти магическим, звуком. Полупрозрачные ладони протянули ей плод, похожий на светящуюся лампочку. При одном взгляде на это яблоко во рту у меня закипела слюна, тело охватило ознобом.

— Не тронь! — шепнул я Еве, но та уже тянулась к яблоку розовыми губами, предназначенными для смиренных поцелуев. Откусили(а?) с хрустом от нежнокровянистого бока; завернулась полосатая кожура, обнажив белое. Под ногами закачалась невидимая райская твердь. Так хрустит кость, раздавливаемая камнем... В окрестностях темных стран загудело. Свечение вкушаемого плода притихло, зато в облике Евы произошли изменения. Она оставалась такой же прекрасной, но смертный восковой оттенок вмиг пронзил ее щеки. Подбородок резко очертился, под глазами легли незаметные прежде тени, а в зрачках заблестала тревожная стихия. Ну, прямо царица!..

Она подошла ко мне, протянула надкусанное яблоко, сахаристая твердь которого блестела в одном месте от ее слюны: «Попробуй!..».

Меня вновь пронзило дрожью. Искрилась спелость мякоти. Я взял яблоко в ладонь, покрутил его в воздухе, и в такт вращению закружилась Вселенная, готовая к преобразованиям. Я впился зубами в первый ощущаемый вкус, в организме моем медленным движением дернулась и потекла вперед старость. Рот наполнился сладкой тяжестью, во мне обнаружилось знание, добытое без усилий. Я ел плод дерева как чужое вещество. Вокруг меня возникало кисло-сладкое видение, внутри звенело молчание сладостного яда узнавания. Знание всегда именно узнавание, потому что оно и прежде находилось внутри тебя, зашифрованное в каждой клеточке организма. Вкус плода древа помог осознать мое знание как обретенное само собой. Происходил акт вкушения мира и одновременно снижения к миру доверия, к обыкновенному низшему миру, над которым еще недавно, по воле Отца, парил мой светлый полубожественный образ.

Отчетливо различались жилки на листе древа. Пристальное внимание к таким мелочам меня слегка удивило. Замельтешили перед глазами конкретные затейливые детали.

Все тело будто налилось тяжестью, стало трудно дышать. В животе что-то дернулось, запульсировало. Во мне вместо благодатной Божьей глины зашевелились горячие чуждые внутренности. Каждая клетка тела стонала, будто от яда. Я судорожно жевал кислый кусочек яблока. Острый кончик семечка оцарапал горло. Я вскрикнул, но Ева обняла меня и поцеловала в липкие от сока губы.

Ветки древа знания засветились, будто зеркальные, и мы с женщиной увидели себя голыми. Мир стал этим — осязаемым и прохладным. Откуда-то подул ветер. Мы с Евой обнялись, чтобы согреться. Я почувствовал ледяное дыхание зла, направленное на нас из темных глубин, окружающих рай. Я понимал, что грех не бесконечен и не бессмертен. Я отстранился от Евы, вынул пальцем семечко, застрявшее между десной и нижней губой. Клубился дым омраченных звезд. Расстояния встали, определив недостижимость сверхдалних объектов. А ведь еще совсем недавно я мог дотянуться до них рукой! Дневное солнце затмило прочие звезды. Небо стало ярким до боли в глазах. Ветер ударил мне в лицо песком — первыми крупицами знания...

Я взглянул на Еву — глаза женщины кипели предстоящей женской судьбой...»

Лева едва не свалился со стула от таких видений, навязанных ему компьютером. Но вот колечко снова отлипло от его головы, давая время передышки. Так и до белой горячки недалеко!.. А все же Ева хороша! А не вернуться ли к ней снова? Хотя бы на минутку?..

«Я увидел не Еву, но ужасное существо, прячущееся за ветвями древа знания. Оно по-прежнему имело отвратительные, хотя и слегка размытые черты.

— Как ты попал сюда, в божий заповедник? — спросил я у него.

— Я достаточно силен, чтобы быть там, где мне хочется быть! — с гордостью ответил сатана.

Ева окликнула меня: «С кем ты разговариваешь?» Увидела, вскрикнула и, не отводя глаз от этой гадости, подошла ко мне. Она несколько раз спросила его о чем-то, но сатана, будучи ловким политиком, уклонялся от прямых ответов и говорил, говорил... Ева слушала его, приоткрыв от волнения красивый пухлогубый рот.

Древо жизни пошевелило ветками, и от такого невидимого дуновения отвратительное существо будто вихрем унесло. Но, кажется, оно и само почувствовало, что пора исчезнуть.

Я ощутил прикосновение прохладной ладони Евы. Она улыбнулась мне затаенной женской улыбкой; при этом, взяв меня за плечи, она с какой-то эффектной силой развернула меня на месте лицом к себе. Я закрыл глаза, чувствуя в себе самом какой-то разрыв. Обнимала меня раз за разом, прижимала к себе, и всякий раз ее прикосновения ощущались по-новому. От ее ладони исходила свежесть и теплота. Округлая грудь ее с коричневым, почти черным соском, покрылась светлыми точками мурашек. Она тоже, наверное, волновалась. Ей было холодно, и она поскорее хотела согреться в моих объятиях. Женщина источала запах глиняной праматери — влекущий и терпкий. Глядя на Еву, я сам немного робел. Внутри она была горячая, как плоть звезд. А снаружи прохладная, как прерванный поцелуй. Я пощупал ладонью ее горячий упругий живот, готовый к зачатию всего будущего человечества. Живот ее — глубина мира, где напряглась ответная жизнь всего. Преодолевая неудобство ласк, Ева сказала, что нам следует лечь на траву. Она сразу догадалась, как все надо сделать. И лег на нее, и почувствовал, как грех бурной жидкостью кипит внутри меня, обжигая сладостью в местах соприкосновения с Евой. Ласки становились продолжением греха, вскипавшего ощущением окружающего сферического пространства. Я чувствовал боль от напряжения всех моих мышц.

Холодный ветер, излучаемый равнодушным древом жизни, оведал мою потную спину. Узкий ручеек пота струился по ложбинке моей спины. Пик греха... Затем я почувствовал слабость и полное равнодушие к Еве, которая все еще крепко обнимала меня. Я вдруг понял, что Бог не присутствовал при зачатию нашего сына...

Ева смотрела на меня раскрасневшимся припухшим лицом и улыбалась странной улыбкой. Ресницы ее прикрылись и она, смущенно улыбаясь, вытерла бледный потный лоб ладонью. Холод кожи выявил скрытую мертвенную синеву ее тела, нехорошие складки возле подмышек, темные пушистые волоски. Начиналась какая-то другая жизнь.

Я сорвал два листа с древа знания. Один дал женщине, второй оставил себе. Мы прикрыли срамные разгоряченные места. Но ходить, придерживая лист рукой, было неудобно, и вскоре мы их выбросили. Я понимал, что, несмотря на близость с Евой, мы с ней окончательно разъединились. Наша общая душа потеряна. И жаркая живая кость внутри этой женщины уже не моя.

Я наклонился, погладил ее темные прохладные волосы, свисающие за пределы райской площадки. Серебрилась серая, усыпанная валунами дорога, по которой нам скоро придется уходить отсюда... В уголках пухлых нацелованных губ женщины намечались муки будущих родов. Тьма, окружавшая нас, порозо-

вела, словно тоже ощутила зачатие нового человека. Я тогда еще не знал, что первым ребенком у нас будет Каин... Тьма поняла, что мы, люди, скоро станем ее хозяевами. Тьма приготовилась к долгой борьбе. Я же чувствовал себя обес-
силенным...»

ТАЛИСМАН — БУМАЖНАЯ ЗАТЫЧКА

Очнулся Лева на полу. Ладонь его машинально поглаживала пыльную ножку стола. Вспомнил, что обещал Анечке к ее приезду сделать уборку в доме. Но как угадать приезд жены? Ведь она может вернуться в любое время... Увидев свои волосатые руки, вздохнул: неужели он — потомок Адама?

На деревянных ступенях слышны неспешные шаркающие шаги. Дверь открывается без звонка, и на пороге возникает тощая старческая фигура в военном картузе, гимнастерке и брюках галифе, заправленных в высокие сапоги. Опирается он на самодельную ореховую тросточку. Из кармана штанов под немыслимым углом торчит бутылка самогона, заткнутая неряшливой бумажной затычкой. Наверное, купил на последние деньги у Паучихи.

— Пал Иваныч!.. — невольно вырвалось радостное восклицание. А то совсем тоска. — Скажи, старина, является ли наша совесть частичкой Бога?

— Что за чепуха, Левчик? О какой «совести» ты ведешь речь?

Лева вкратце пересказал ему свои виртуальные видения. Ветеран ничего не ответил, лишь хитро прищурился, погрозил Лева пальцем: «Дурью маешься, парень! Подумаешь, самого Бога он видел! Я когда-то в восемнадцатом году встречался с живым товарищем Лениным, пил с ним чай в красивых подстаканниках! Мы говорили о событиях мирового масштаба. Нас с ним не интересовали фразы, вроде той, которую ты сейчас пробормотал: «В безумии любви сотворил я сына своего». Что за оппортунистические глупости?»

И старик еще раз с шутливой интонацией покритиковал «товарища Бога, которого фактически нет», проделавшего бессмысленную работу по созданию человечества. Пустое, однако, мероприятие.

— Неужели внутри самого Бога так же действуют трагические раздирающие силы? — размышлял вслух Лева, споласкивая стаканы.

— А ты как думал! — хмыкнул старый активист. — Диалектика — это тебе не хрен собачий.

Опрокинули по сто граммов, закусили сухариками, размоченными в воде.

Пал Иваныч степенно жевал хлебную мякоть, приходя к выводу, что жизнь — сплошное недоразумение. Какой бы властью ни обладал тот или иной человек, он никогда не сможет употребить ее правильно. Любое деяние всегда в той или иной степени отклоняется от закона. Бог, — хотя его и нет! — создав человека, вынужден постоянно вникать в его мелочную суетливую жизнь. То есть, связавшись с человеком, Бог отклонился от генеральной линии Духа с большой буквы.

— По себе, Левушка, знаю: вяжешься, бывало, в драку — так мало того, что морду набьют, да еще потом по судам затаскают.

— Бог не разделен. Он един! — воскликнул в запальчивости Лева.

— А вот от людей Его отделяет великое Ничто. Сатана хочет оформить это Ничто в объективность человеческих отношений.

После выпитой самогонки Лева вновь ощутил легкость и приятность во всем теле. Он словно бы парил в облаке похмелья. Поднялся из-за стола, подмигнул старику, произносившему очередной революционный лозунг, слегка покачиваясь, прошел через всю комнату к компьютеру, плюхнулся на табурет, небрежно взгромоздил колечко на лысеющую голову: «Включайся, приятель!..»

ЗАГНИВАНИЕ МИРА

«Лицо Евы зарумянилось от моего продолжительного взгляда. Над поверхностью рая летел усиливающийся прохладный ветер. Молодое время, словно отпущенная пружина, набирало скорость. Почва, нагретая солнцем, духмяно парила. Чем-то приторно-сладким дышала земля оскверненного рая».

Старик, комментируя грехопадение, скажет примерно так: Адам, будучи в глубине души стихийным революционером, встал на материалистический путь индивидуально-общественного развития!

«Мне показалось, что за деревьями мелькнула тень Отца.

— Значит, Ева, я, дети наши — все мы умрем? — крикнул я в пустоту начавшегося гниения и распада.

Ева наступила босой пяткой на огрызок яблока, поморщилась. Она тоже завидела странный силуэт в небе и вся как-то напряглась. В лице ее появились строгие деловые черты.

— Пока ты со Мной, Адам, ты бессмертен! — голос будто из тумана донесся. — О смерти не будешь думать до тех пор, пока она не придет к тебе по-настоящему.

— Но я не хочу видеть ее.

Бог ответил, что может отменить все виды греха, но не видит в этом пользы ни для Себя, ни для меня.

Я взывал: «Мой грех — недоразумение!..» Но сияющее облако, к которому я обращал свои упреки, растворилось в воздухе. Ответа не последовало. Мне показалось, что я услышал стоны всех поколений своих будущих детей. Этот звук был таким ужасным, что мне пришлось закрыть уши ладонями.

Я сорвал на прощание листок с древа жизни и повернулся лицом на дорогу. Впереди сиял свет странного закона, но моя измученная душа не хотела принимать никаких строгостей. Вдалеке серебрилась Земля — круглый комок грязи, зло, собранное по крупицам со всего космоса. Душа моя словно бы просвечивалась звездной пылью, вихрящимися струями света. В просторах тьмы я видел искаженную проекцию своей сгорбленной фигуры, изогнутой в виде вопросительного знака, оплетающего своей загогулиной звездные миры.

Вслед за мной шагала Ева, затем звери. Они брели, опустив морды, с неудовольствием нюхая след человека. Я перестал понимать их звериные сердца, зато чувствовал с их стороны нарождающуюся враждебность — по моей вине им тоже пришлось покинуть рай. Шествие животных возглавлял рыкающий лев, который еще недавно ластился ко мне, словно котенок. Оборачиваясь, я со страхом смотрел в его желтые круглые глаза.

Нас обмывали потоки дождя, устремлявшиеся к ненавистой серой планете. Струи воды, взвихренные ветром, то летели к небу, то отвесно падали вниз — вода еще не нашла своих новых путей. Земля приближалась. Стало слышно, как ветер свистит в каменных язвах скал.

Проскользнула меж туч серая отвратительная тень и скрылась в холодных оврагах...»

МЕХАНИЗМ ЯБЛОКА

И вновь Лева услышал голос Пал Иваныча, обличавшего мировую буржуазию, допустившую в мир босовские компьютеры. Лева тупо смотрел на уплывающее кольцо датчика — что за странная программа? Он подошел к столу, за которым разглагольствовал запьяневший старик, выпил облегчительную стопку. Почув-

ствовав, что в его ладони что-то есть, торпедо разжал ее — на стол шлепнулся зеленый смятый листок причудливой формы. Даже Пал Иваныч, партизанивший в лесах Черноземья, так и не смог определить породу дерева, с которого листок был сорван.

— Может, он из огуречного рассола? — высказал предположение ветеран.

— Да ты что? Когда это моя Анечка умела солить огурцы?

Зашел разговор о компьютерах. Ветеран дивился — наука научилась изображать мысли человека электронным способом! До революции он даже и не знал, что в природе существует электричество — в его революционном воображении существовал лишь ряд объектов, которые надо было в срочном порядке завоевать.

Странный зеленый листок. С одной стороны глянцевый, словно зеркало, в котором Лева видит отражение своего усталого полупьяного лица. С другой — шершавый, как наждак.

— Зеленый цвет — всегда нейтральный, — заметил старик, указывая тощим пальцем на листок. — В этом цвете начало и увядание жизни. Да и в годы гражданской войны «зеленые» были то за «белых», то за «красных». Лупили всех подряд, кто мешал им отдыхать в лесной чаще.

После третьей стопки Лева взялся объяснять Пал Иванычу устройство яблока. Язык молодого сельского журналиста заплетался больше от волнения, нежели от самогонки: «Ни одно кибернетическое устройство яблоку и в подметки не годится!» Вдруг оба заметили, что посреди стола лежит невесть откуда взявшееся румяное яблоко. Лева схватил его, разрезал на две половинки тупым кухонным ножом: «Кушайте, дедушка!»

Ветеран, забрусевший после очередной стопки, тупо смотрел на белоснежный разрез яблочного мяса: лезвие выворотило влажно-сахарные крупчатые комочки. Обнажилось темно-коричневое, словно бок гнедой лошади, семечко — оно тоже угодило под лезвие, разделившись напополам. Разрез семечка на фоне всего остального яблока и пластика стола сиял крошечной, абсолютно белой каплей.

— Вон сколько светлого духа жизни сжалось, запечатлелось в семени! — восклицал запяневший Лева. Угрюмая философия провинциального неудачника бурой краской выступала на одутловатом запойном лице.

Пал Иваныч со свирепой ухмылкой старого воина таращился на него: «Ты о чем толкуешь, селькор? О каких еще «соках познания»? Хмельные соки бушуют во флягах, спрятанных в надежных каморках самогонщицы Паучихи».

Лева, прищурился набрякшие веки, пошевеливал сложенными в щепоть пальцами: «Знаешь ли ты, дедушка Павлик, что каждая капсула яблочного тела заполнена своей региональной клеточной жизнью? А в целом — федерация яблочного организма».

Пал Иваныч вздыхал, он сражался за большой масштаб мирового интернационала! Мелочность «плодовой федерации» его не интересует. А не сходить ли нам к Паучихе да не выпросить у нее второй пузырь? Хотя всем известно — в долг она не дает.

Лева встал со стула: «К Паучихе, так к Паучихе! Любым способом надо забыть про Еву. Она в большом смысле — это каждый человек. Она — всемирная мать. В ней собралась вся горькая красота любви».

Старик согласно кивал удлинённой, словно кабачок, головой: «Ева, как женщина, и революция вообще, как понятие, чем-то похожи. Но ты, Левчик, не слишком «заадамливайся» в своем компьютере. Живи обычной реальной жизнью и не залазь с головой ни в какие штуковины».

Но Лева хотелось вернуться в виртуальный мир и обнять Еву. Он полюбил Еву. И голова у него перестала болеть. Пусть Анечка остается на своих курортах — у Левы есть своя виртуальная красавица!

— Обманная сладость капает тебе в мозги, только и всего, — сказал старик. — Нет конкретного материального результата. Впусти меня в компьютер, и я разберусь со всей этой чертовщиной...

Старик поднялся из-за стола, покачивающейся походкой прошел к столу. Потертые галифе смешно отвисали на его тощих ногах. Плюхнулся на табурет, таращит глаза на подозрительно желтый обруч, который собственной научной силой приподымается со стола и плывет по воздуху к удлинненной, словно острый конец яйца, лысине.

— Вижу себя и Еву... — бормочет старик. — Вокруг нас розовое Пролетарское сияние...

Пожилой материалист попал в плен галлюцинаций. Лысина его вмиг покраснела, от нее пошел легкий парок. Куски компьютера подпрыгивали на столешнице, глухо блямкая по доскам. Старый правдолюбец задрожал и едва не упал, резко откидываясь назад всем корпусом. Лева успел подхватить его, а то бы ветеран грохнулся на пол. Кольцевой контакт, отлепившись от головы старика, занял прежнюю позицию. Пал Иваныч, открыв глаза, тупо смотрел на провода и обруч, крепко шандарахнувший его «по мозгам». В первый раз Лева видел старика сильно испуганным. Неужто и он отведал ласк Евы?

— Вне греха грех — ничто... — ветеран пошевеливал своими изуродованными пальцами. — Но почему он, грех, случившись, остается навсегда? Вне факта грех остается лишь понятием. Грех должен устраняться ударом сабли... Грех задыхается сам в себе, как глупая змея, заглотившая свой хвост... А чего мы тут сидим? Не пора ли нам идти к Паучихе?..

И он достал из нагрудного кармана гимнастерки замызганное удостоверение народного контролера с обложками бурого цвета. Когда-то на обложке были вытеснены золотые буквы, которые производили на самогонщицу определенные впечатления. А после перестройки Паучиха назвала эти буковки «зряшными» и в долг выпивки не дала. А ведь когда-то выдавала активисту первач в хороших непьющих бутылках!

Перед тем, как выйти из дома, Лева машинально взял со стола зеленый листок от неизвестного дерева, и положил его в нагрудный карман тенниски — Анечка не любила посторонних предметов на кухонном столе и мужа приучила к порядку.

ПАУЧИХА

После двадцати минут ходьбы остановились возле массивного «боярского» крыльца, переглянулись — а ведь не даст, подлюка, в долг!

В палисаднике шевелились две вялые сонные личности, перекапывающие за рюмку самогона почву. Спившиеся муж и жена. Оба в каких-то балахонистых одеяниях с чужого плеча. Они выпивши, но до такой степени, чтобы хоть и медленно, но работать. Жмуря осоловевшие глаза, каждый из супругов старательно, с некоторым усилием давил на сверкающее лезвие лопаты. Потрескивали стертые до блеска черенки инструментов. У Паучихи постоянно во дворе и на огороде кто-то работал. Наличие избыточного самогона способствовало дешевому наемному труду. Во дворе стучали молотками два краснолицых мужика, починая сарай. Примеривали доску, не спеша отпиливали ее. На подошедших Пал Иваныча и Леву «работники» взглянули без всякого любопытства — хозяйство большое, дел всем хватит.

— Рабы-добровольцы! — гневно воскликнул старик. — Разве таких призовешь к бунту?

Лева тоже частенько заглядывал к самогонщице Паучихе, предпочитая самодельный напиток заводскому. Во-первых, в два раза дешевле, во-вторых, крепче

и на жулке приятнее. Все же из сахара произведена вещь, а не черт знает из чего! Паучиха называла Леву «кариспадентом». С некоторым презрительным оттенком в голосе.

Старик ткнул пальцем в пузатую белую кнопку звонка. Жирная «котаная» кошка, лениво жмурясь, приподняла голову с нагретой солнцем деревянной ступеньки, зевнула, взглянула сквозь пушистые реснички на посетителей.

На верхней площадке крыльца неспешно появилась Паучиха — старуха лет за семьдесят, но бодрая, с моложавым, слегка тронутым морщинами лицом. Старик уверен, что она ведьма, и живет в поселке вот уже триста лет. Щеки ее заросли зеленым пухом, зато ослепительно сияли на солнце фарфоровые вставные зубы.

— В долг не даю!.. — буркнула Паучиха, бросив всего лишь один взгляд на посетителей.

На ней были почти новые лаковые туфли с позолоченными пряжками, принесенные какой-то пьянчужой за чекушку самогона. Уставив руки в бока, Паучиха стояла наверху, словно барыня. Глаза старухи весело сверкали. На ней был свитер с иностранными надписями, а поверх свитера засаленная плюшевая жилетка, уцелевшая, по свидетельству Пал Иваныча, с дореволюционных времен. На кривых тощих ногах пузырями вздувались простые, в полоску, чулки.

Слушая брань старика, самогонщица ехидно улыбалась, смотрела на него, то открывая, то закрывая рот, словно дворовая собака, которая размышляет — укусить непрошенных гостей или просто облаять?

— Идита отседова! — произнесла она свою дежурную фразу. Глядела теперь на Пал Иваныча и «кариспадента» так, словно не узнавала их. — В долг не даю!

И, немного подумав, она предложила приятелям, если они желают, прополоть восемь грядок клубники. А уж после видно будет.

Делать было нечего, и, проклиная «современное рабство», друзья побрели на Паучихин огород. Грядки клубники лишь с виду короткие, но схалтурить было нельзя — бабка сама примет работу и лишь затем выдаст определенное количество заработанной жидкости. Прополоть «до малейшей травинки» — мыслимо ли это?

Зашли на огород, на самое пекло, прищурились, огляделись. Пал Иваныч, с трудом согнувшись, опираясь на палку, сорвал подрагивающей ладонью пучок повики. Брезгливо отбросил его в сторону. Затем он сел на колени, выдернул колючий осот. Залатанные галифе осыпались растительным пухом и какими-то желтыми семенами. Ягоды давно уже сошли — напрасно Лева шевелил рукой кусты, надеясь найти хоть одну и покислить рот.

Лева поддразнивал старика — одно дело пропагандировать ударный труд и совсем другое — вкалывать самому. Старик ничего ему не отвечал, неутомимо сражаясь с «огородной недобитой контрой». Сорняки в эту пору противные, застарелые. Разлапистые корешки, будто в цемент вросли. Колючек миллион, и каждая старается ободрать ладони сельских философов.

Ветеран, уморившись, принялся хлестать по грядкам своей ореховой тростью, воображая, что косит ряды неприятеля.

— Руками, старый идол, работай! — высунулась из окна Паучиха, грозя бледным тунеядческим пальцем.

— Чтob ты провалилась, эксплуататорша!.. — старик мстительно топтал грядки сапогами — через дырки внутрь голенищ засыпались колкие земляные крошки, смешиваясь с запахом потных полуразложившихся портянок. Пал Иваныч сядил на скамеечку, переобувался, перематывая под мать-перемать то, что осталось от портянок, всего лишь два месяца назад саморучно изготовленных из тонкой мешковины. Много «идеологической ходьбы» по району, вот и трется, изнашивается эта безответная праховая материя. Работать! На грядках!.. Старик фыркал и пле-

вался желтой от пылицы слюной. Даже в сталинских лагерях он не подвергался такому трудовому унижению. Начинал он свою «пролетарскую» карьеру батраком, и опять же в него превратился. «И вот теперь, на плантациях презренной самогонщицы, я вновь проливаю свой гневный пот. Если есть на свете труд, значит, теоретически существует и рабство. Но мы — не рабы! Рабы — не мы!».

АНАРХИЗМ РАСКРАСНЕВШИХСЯ ЛИЦ

Спустя два часа, покачиваясь от усталости, друзья уже брели домой. Из кармана галифе Пал Иваныча торчало горлышко зеленой бутылки, заткнутое газетной пробочкой. Когда-то Лева коллекционировал такие самодельные затычки — на досуге любил их разворачивать, читать обрывки статей, разглядывать газетное фото. Что-то вроде гадания — всегда находишь удивительные сведения. А когда таких «материалов» набралось у него два картонных ящика, он вынес их на свалку и сжег.

Старик брел, опираясь на палочку, проклиная вполголоса Паучиху, а вместе с ней и всю мировую буржуазию.

Самогонщица стояла на своем боярском крыльце и смотрела им вслед. Ей не впервой слышать брань пьяниц. Каждый мнит себя умным. Но наступает день, и все идут к ней, и только к ней! Государство не умеет торговать водкой. При советской власти водка была не во всех магазинах, с перебоями, но чаще всего ее совсем не продавали. А теперь водка дорогая и некачественная. Тот, кто не хочет отравиться — идет к бабке. Тот, кто хочет выпить, а денег мало — тоже шагает к ней. И днем, и ночью. И в два, и в три, и в четыре часа. Самогонщица бесстрашно откроет каждому дверь, задав один и тот же вопрос, ответ на который известен заранее: «Табе чаво надить?» Лишь одно правило свято соблюдает она с первых дней своей самогонной юности, когда продала мужику первую бутылку теплого, чуть мутного первача: в долг не давать! Завет от матери, которая тоже активно занималась бражным ремеслом. Ни-ко-му! Хотя он председатель колхоза, хоть барин, хоть генсек. Один раз дашь в долг, и все! — считай, разорилась контора. Так и будут идти клиент за клиентом на дармовщинку!..

Проходя мимо длинного Паучихинового огорода, Пал Иваныч нервным жестом ткнул палкой в сторону ягодных плантаций — вот они, результаты нашего труда. Во взгляде недавнего «раба» сверкало торжество: грядки клубники стремительно зарастали новыми сорняками.

— А молодая-то Паучиха была, небось, ничего?.. — ошалевший от жары Лева с тупым взглядом, в котором и вопроса-то почти не угадывалось, взглянул на своего пожилого спутника.

— Ведьма — она в любом возрасте ведьма! — отчеканил Пал Иваныч. — Меня на такую кнутом не загонишь...

Выбрели на просторную площадь, облепленную по углам коммерческими киосками. Старик оглянулся на стайку молодежи, толкнул Леву острым локтем:

— Почему у парней и девчат такие смешные штаны до колен? В мои времена даже анархисты таких не носили.

— Это брики такие, шортами называются, — объяснил Лева, щурясь от жары. На асфальте от зноя клубились испарения, словно лужицы отблескивали. — Был бы ты, дедушка, сегодняшним молодым, так же бы щеголял, черт знает в чем.

— Ни за что! — с гневом воскликнул ветеран. — Гордость военного человека не зачеркнет провокационная мода. Хотя вон те две девушки очень даже приятные лицом...

Лева тоже взглянул на юные, скругленные жарой лица. Молодые, с поверхностной остротой взгляды словно бы вырывались из тления человека, которое он

совсем недавно наблюдал в себе самом, надев «шкуру согрешившего компьютерного Адама». Молодежь грызла мороженое в вафельных стаканчиках и по очереди запивала его бурным иностранным напитком из пластиковой бутылки.

Лева снова взглянул на старика: «Ты, Пал Иваныч, молодец — не заметно в твоей душе ни малейшего тления».

— Я сухая полумертвая кость! — гордо усмехнулся ветеран. Узкие фиолетовые губы плотно смыкались под закорюченным носом. — Время корежит юную плоть — смазывает, осаливает ее, отроческие лица становятся похожими на размягченный воск. Чернота кожи, товарищ Лева, бывает не только от загара, но и от первородности праховой материи. И мне часто хочется крикнуть: «Долой материю из моего высокодуховного организма!» А дети прищурились от мороженого, которое грызут и лижут. Здесь уже диалектика победы цивилизации и ежедневного унижения. Солнце от мороженого им в лица уродливо отсвечивает, играет, как с временными, и забавно их освещает. Оттого у деток наших глаза полуобморочно прищуриваются...

И сам покачнулся. Лева подхватил его под руку. Свернули на тихую сонную улочку, заросшую лопухами и крапивой. Куры, валяющиеся в пыли, сонно квохтали, будто рычали, ворочаясь в нарытых крыльями ямках, отряхивались, шумно разбрызгивая крыльями белесую пыль, оборачивали вслед прохожим маленькие головы с поникшими грязными гребешками, недоуменно сверкали коричневыми скошенными зрачками.

ЭЛЕКТРОННОЕ ЖУЛЬНИЧЕСТВО

Зашли в дом, и Лева быстро сбавил на газовой плите яичницу.

— Проклятая Паучиха!.. — Старик выставил на кухонный столик бутылку самогона. — Заставила-таки трудиться на своих кулацких плантациях. Как бы исхитриться ей отомстить? Может, и ее надо было бы всунуть в какой-нибудь компьютер, чтобы почувствовала ответственность за человечество?

Выпили по стаканчику. Самогонка так себе. Однако Лева заметил, что самогонка, пусть даже и второсортная, гораздо ловчее компьютера поворачивает мозги в сторону воображения. И смеялся, припоминая, как Паучиха ругала неповоротливого Пал Иваныча: «Растуды твою активиста мать!»

— Ты мне лучше скажи, Левчик, какова основная идея Адама? — прищурил на него взостревшие идеологические глаза Пал Иваныч.

— Он сам по себе идея, — задумчиво произнес Лева.

— А ежели я влезу в компьютер и захочу там, в его электрической внутренности, стать Богом? — допытывался старик. — Мне бы хоть на минутку! Чтoб полностью мне Его власть! Я бы переделал все миры и провалы между ними истинно революционным принципом!

Лева пожал плечами — в электронике все дозволено.

Старик с сомнением почесывал макушку: идеала даже там, среди проводов и схем, добиться невозможно.

Пока старик рассуждал о захвате власти в масштабах компьютера, Лева мысленно сравнивал двух женщин: Еву и жену Анечку... Ах, Ева!..

Старик сочувственно смотрел на него: детдомовский парень, сирота, но вот женился, построил добротный дом еще в те, социалистические, времена, работал завотделом районной газеты, пока не выгнали за пьянку... Анечка каждое лето уезжает на юг, якобы к «подруге»... Вот и залез парень в компьютер, в это взвихренное жульничество изображений. Адам — дурак. Быть перед лицом Бога и не потребовать справедливого устройства мира на основах равенства! А то один повелевает галактиками, а другой вынужден копать в земле...

Старик поднялся с табурета, завелу искавшимися злым ртом, потянулся хрустким костистым телом. Подошел к компьютеру, нагнулся, чтобы рассмотреть его. В тот же миг кольцо датчика быстро взлетело в воздух, прилипло к коричневой лысине, с дымком прикипая к ней.

— Иду по горячей грязи... — старик молодым голосом выборматывал свое видение. — Рядом жена моя, Ева... Эй, компьютер, отключайся — не хочу я больше смотреть это глупое кино.

Колечко отлипло от лысины, повисло в воздухе, словно ожидая дальнейших распоряжений. Ветеран задумчиво чесал лысину, на которой среди шишек и вмятин, похожих на лунные кратеры, отпечатался красный кружок. Его пожилое морщинистое лицо выглядело землисто-усталым на фоне светлых обоев. Глаза сверкали взволнованно и ярко: целую минуту Пал Иваныч был опять двадцатилетним!

— Земляная душа на миг стала неземной... — удивлялся он. — Зачем Бог заточил человека в пространство рабских полей? Бог даже не маскирует ужас крепостного права. Он лишь покрыл глину растительностью, а мышцы человека кожей. А я, Пал Иваныч, не хочу, чтобы под моей революционной шкурой мерцали слизь и мрак животного существования. Я хочу быть железным, огненным, неуязвимым. Я хочу предъявить Богу ряд претензий. Во-первых, внутренности человека, переваривающие пищу, являются квелым и несерьезным аппаратом. Даже странно узнавать, что Адам, снабженный таким смертельным ливером, прожил аж девятьсот лет... Долой пустой и хлипкий мир, построенный на мертвых камнях и глинах! Да здравствует идейно-революционное основание мира! Все революции, товарищ Лева, направлены против матушки-земли, которая является символом угнетения всех Адамов.

ИЗГНАНИЕ

«Холод ветра сушит пот греха. Кожа Адама пахнет сладостью Евы. «Свободный трудовой сын Бога!» — от кого Адам мог слышать такую странную фразу? Грех — это невидимая и неосязаемая болезнь, ждущая своего часа, чтобы навалиться на человека и погубить его.

— Пусть не огорчает тебя нечистота внутренностей твоих, — послышался далекий голос. — Они изменятся в течение тысячелетий благонравного образа жизни, высохнут и отомрут за ненадобностью.

— Опять Он искушает меня вечным трудом! — вздохнул Адам. — Почему Он не хочет подарить мне поля, города, дороги в их обустроенном виде?

— Я открываю тебе единственный путь труда.

...Адам молча бредет к земле, к последнему своему пристанищу. Он болен. Каждая клетка тела поет болезненную песню.

— Если Бог сделал все из ничего, то откуда же Он взялся Сам? — звучит отдаленный и въедливый стариковский голос. — Откуда взялись грязь и хаос, из которых Он якобы создал правильность мира? Где Он был прежде Себя?

— Я всегда был сам с С собой. Когда ты, Адам, ощутишь свое глубокое внутреннее чувство, то знай — это Я!

Звери, шагая вслед за Адамом в постоянную беду, чувствовали усиливающийся голод. Отныне их удел — рысканье по неприветливой безответной земле. Хищники рычали. Травоядные, ощущая неминуемую гибель, глухо стонали. Мокрая холодная земля без единой пока еще травинки. Адам умирался, присел на влажный камень. Ева плюхнулась ему на колени, склонила голову на плечо мужа. Взгляд ее был печален.

Звери с ревом и визгом разбегались по каменистым холмам. Хищники с воем

преследовали травоядных. Догоняли, разрывали на куски, жадно поедали теплое мясо. Адам и Ева вздрагивали от душераздирающих воплей. В воздухе запахло кровью. Влажная стылая степь беспредельно простиралась к туманному горизонту.

Адам погладил мягкие, чуть влажные от росы волосы Евы. Голова ее пахла раем.

— Зачем Бог дал мне ум? — размышлял Адам. — Почему я стал именно человеком, а не зверем? Почему Он вылепил меня из глины, а не из камня?

Впрочем, Адам понял одно: теперь все живое на земле, в том числе и его дети, будут давать питание невидимой и непонятной смерти. Где она прячется, смерть? Как увидеть ее и вырвать у нее жало?

Молчит хмурое небо. Шелестит под ударами дождинок раскисшая почва. Ева еще плотнее жметя к Адаму, шмыгает покрасневшим носом. Глаза ее болезненно блещат. Сморщилась, чихнула, сделавшись на мгновение некрасивой.

— Надо забрать шкуры у животных и согреться, — сказала Ева. Рот ее сделался широким и злым. — А тела животных мы съедем.

Она вдруг увидела свое лицо, отраженное в луже. Ева еще не потеряла образ райской женщины и откровенно любовалась собой, строя отражению забавные гримасы.

К Адаму подбежали те животные, которые впоследствии станут домашними. Они искали у человека защиты, и Адам прогонял хищников взмахом усталой руки.

Ева жалуется на тошноту, во рту у нее кисло от яблока.

— Отбери у льва ягненка! — требует женщина. — Я хочу мяса!..

Яркая вспышка, громовой раскат. Молния ударила в скалу, разбив ее на две половинки. Загорелось сухое дерево. Ева испуганно вскрикнула, прижала мокрое лицо к груди Адама, и он понял, что любит ее.

Ночь провели в пещере на склоне холма. Адам подкладывал в костер ветки, радуясь, что Бог напоследок подарил это чудо — огонь. На углях жарилось мясо. Спать легли на шкурах, снятых с овец, отбитых Адамом у хищников.

— Если земля проклята вместе со мною, значит, погублено всякое место, где ступит моя нога, — размышлял Адам. — Что же она мне родит от своего проклятия?

Наступило утро второго дня. Робко взошло солнце. Отсюда, с земли, оно виделось маленьким и неласковым. Но вот брызги света упали на влажную землю, туман растаял вблизи и вдали. Из почвы вылезла ярко-зеленая трава. На холмах паслись небольшими стадами коровы, козы, овцы. Сытые хищники еще спали в дубравах, покрывавшихся свежей листвой. Лужи посветлели, следы крови травоядных осели по краям в виде розовой каемки. В кустах белели обглоданные кости.

Адам взглянул в небо, надеясь, в следующий миг увидеть свисающий корень дерева жизни, питающегося соками земных страданий.

Из пещеры вышла Ева, потянулась, зевнула. Наклонилась над ручьем, бегущим со скалы, умылась. Подняла порозовевшее лицо, улыбнулась Адаму...»

СУЩНОСТЬ ТРУДА

— Таких девушек даже по телеку, в рекламе, хрен увидишь! — восхищался Лева после очередного сеанса, сидя за кухонным столом напротив Пал Иваныча. — Ева! Мать всех красавиц земли!

— И уродов тоже... — проворчал старик. — Как же сатана ухитрился подмешать болезнь в человеческую кровь?

— Меня волнует другой вопрос — как прожить на свете так, чтобы ничего не делать? — вздыхал Лева. — Так, чтобы просто отдыхать, любить Еву, бродить по лугам и рощам?

— Я всю жизнь боролся против труда, искажающего сущность человека! — восклицает бывший революционер. — Работать должны ветер, вода, огонь и прочие стихии.

— Ева сказала, что я должен победить льва и съесть его сердце, — вздохнул Лева.

— Никогда не слушай болтовню баб! — укорял его ветеран. — Льва, если нужно, мы застрелим из револьвера...

— Я должен победить его голыми руками! — мрачнел Лева. — Одна крохотная фиолетовая жилка на бедре Евы стоит тысячу львов. А после она зажарит львиное сердце на углях... А вот по хлебу я там скучаю. У нас там весна! — Лева лениво облизнул губы, к которым словно бы прилип древнейший бараний жир. — Пивка бы сейчас!

— О пиве забудь! — ехидно вскинулся старик. — Пиво — дешевый напиток социализма, а мы сидим в выгребной яме волчьего капитализма. Ты, Левчик, не убегай насовсем в свой компьютер, а то мне тут, в поселке, и выпить не с кем.

— Что я, дурак, что ли, вкалывать там день и ночь? Лучше уж я здесь буду существовать безработным журналистом. А насчет пива ты, старик, неправ — при социализме именно пиво было главным и неустранимым дефицитом... Во многом из-за отсутствия пива социализм и погиб, мужики тогда не очень о нем и жалели...

«Адам огляделся — роца зеленела, поле перед ним расстилалось до горизонта. Инстинкт подсказывал, что эту почву надо возделывать. На плечо к Еве, шившей одежду из шкур животных, села голубка. Она принесла в клюве три нитки: шелковую, шерстяную и льняную. Женщина погладила птицу по маленькой нежной головке. Взяла нитки, привязала их к ветке распутившейся черемухи. Теплый ветер весело заиграл ими.

К полудню Адам вскопал заостренной палкой небольшой участок поля. Но чем сажать его, где семена?

Не успел подумать об этом, как на плечо к нему вновь села голубка.

— Что ты еще принесла, милая?

Голубка выронила ему на ладонь из клюва зерно пшеницы...»

Старик дремал за кухонным столом, пошевеливал во сне разбрыкшими губами. Возле его морщинистой руки засыхала недоеденная долька яблока.

— Я — писатель! — воскликнул затравленно Лева. — Я не хочу резать баранов и возделывать землю!.. Анечка, жена, ну когда ты ко мне вернешься? Приезжай хоть какая... я устал тебя ждать. Ева приказала мне:

«Адам, поймай лошадь! Мне нравится это животное!» Я бежал за лошадью, поймал ее. От натуги едва не лопнуло сердце. Вцепился в черную прохладную гриву, вскочил на лошадь верхом...»

Выпили еще. Паучихина самогонка кончалась, как и любая другая. Старик выразил желание влезть в компьютер и взглянуть на лошадь. Но опоздал — Адам в это время возделывал огород, и старику поневоле пришлось заняться ненавистным крестьянским трудом. И он, «старый пролетарий», покорно гнул спину до самого вечера. Лишь иногда Адам взглядывал на луг, где вместе с коровами паслась красивая гнедая кобыла...

«Ночь. В пещеру проникают запахи цветущей земли. Дымится у входа костер. Редкие языки пламени отпугивают хищников, которые бродят неподалеку. До-

машинные животные укрыты на ночь в большой соседней пещере, отгорожены забором из кольев. Адам даже во сне чувствует боль в натруженном теле. Свет луны падает на круглый живот Евы. Вот она вдруг всхлипнула во сне...»

Устало почесывая лысину, Пал Иваныч произносит речь о «негодяйстве снов», которые потчуют трудящихся кошмарами — долой ночные видения! Из прорех рукавов гимнастерки торчат грязные острые локти.

Лева почесывает поясницу — заглянул в компьютер на пять минут, а тело болит так, словно неделю вкалывал.

«Адам берет на руки первого своего ребенка — Каина. Писклявое красное тельце с закрытыми глазами в кровавых прожилках материнской слизи. Мир человеческий двинулся вперед! Каин поднял ресницы. Адам вздрогнул — его поразило равнодушно-жестокое выражение глаз ребенка.

— Возьми теплой воды из чана, обмой его... — послышался усталый голос Евы.

Адам подошел к костру, где на трех больших камнях стоял глиняный сосуд — сам слепил! — с подогретой водой. Обмыл крикливого младенца.

Из груди Евы сочились ниточки молока. Она взяла Каина, поднесла к набухшему соску. Крохотный рот моментально открылся, ухватил сосок пухлыми губами. Глаза женщины замутились от усталости, она улыбнулась...»

ПОСУДА ПУСТЕЕТ, ВРЕМЕНА НАПОЛНЯЮТСЯ

— Где-то я уже видел подобное! — сказал Лева, снимая с головы кольцо.

Пал Иваныч насмешливо уставился на него:

— А что это ты, Левушка, губами причмокиваешь? За аппаратом своим дурацким сидел, причмокивал, и сейчас... Может, выпить хочешь?

Старик взял со стола зеленую залапанную бутылку, заглянул в нее, вздохнул: торричеллиева пустота!

Лева не ответил на вопрос. Он вдруг вспомнил про жену. Анечка в Анапе, Адлере, или в Сочи... У «подруги» она. Вот же сволочь, сука рыжая!.. Он вообразил чужие прикосновения к ней... Что за мужики? Каковы они из себя, ее временные любовники? Трудно их даже вообразить... Даже фантазировать на эту тему противно... Символ человеческой близости, не более того. Надо думать так, философски. Это допустимо и возможно. Касание чужой плоти к неведомому «своему», которое влечет, а потом вдруг открывается, чтобы растаять... Лева опять вздохнул — все-таки Анечка жена, и в ее образе у него похищено «свое» — теплое и родное.

«Каин подрастает, играет в разноцветные камешки, принесенные отцом с берега моря. У мальчика странная улыбка...

На берегу моря Адама охватывает грусть. Он смотрит на пространство, которое не имеет смысла. Море — ничто, ноль. Камень, зажаты в кулаке, означает единицу. Первые символы математики. Швыряет камень в полосу прибора, где он бесследно исчезает. Пройдут тысячелетия, камень обкатается до округлости шара, и его машинально возьмет в руку рыжая курортница Анечка — художавая, с веснушками на груди и плечах...

Адам ныряет в глубину моря и видит огромное лицо человека с золотым кольцом на голове. Кто это? Лицо гиганта деловито-тупое, полупьяное.

Адам постепенно возмужал, окреп. Ева выпекает хлеб из пшеничной муки. В деревянном загоне играет с ягнятами второй сын — Авель».

Компьютер отключился.

— Я видел сам себя! — воскликнул Лева.

— А я таких, как ты, думающих только о бабах, в упор видеть не хочу! — осерчал старик.

Перед тем как собраться пойти домой, Пал Иваныч подошел к компьютеру и приказал ему включиться: старик желает побеседовать с Ним Самим. Аппарат загудел, и некоторое время ветеран сидел перед аппаратом спокойно, ждал. Затем морщинистое лицо его исказилось, помолодело до белизны, на лысине пухом взметнулись волосы, затем вмиг опали. Старик матерился от ощущения мгновенно вернувшейся и вновь ушедшей молодости. Вскочил, сбросил с обожженной лысины золотое кольцо. Схватив блестящий кухонный топорик, висевший над газовой плитой, старик принялся крушить бесформенные куски компьютера, вздрагивающие при каждом ударе.

— Что вы делаете? — вскричал Лева.

Затрещали искры, завился к потолку терпкий дымок. Детали раскалились, словно куски угля, задымились, превращаясь в обгорелые корки.

— Я Ему покажу, как отказываться от беседы со старым заслуженным большевиком! Вот Тебе, вот!.. — приговаривал старик. — Почему Тебя страшат мои вопросы?

Вспыхнул последний кусок электронного устройства, рассыпаясь в зловонную головешку. Золотое кольцо датчика обратилось в веноч сухой травы — душистый и опрятный, хоть чай заваривай.

Старик уморился бушевать, плюхнулся в изнеможении на диван.

Лева взял с лавки ведро воды, залил дымящиеся угольки. Зола обратилась в серебристый песок, который с шипеньем растворился в воздухе.

